

18+

София Кульбицкая

Красная верёвка

Рассказы

София Кульбицкая

Красная верёвка. Рассказы

«Издательские решения»

Кульбицкая С.

Красная верёвка. Рассказы / С. Кульбицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900311-9

...Тем, кто меня знает, и крайне особенно тем, кто знает меня как личность, достигшую одной из самых высоких степеней духовного развития, как тонкого интеллектуала, — не стоит, пожалуй, видеть этого моего — подлинного — лица, лица почти неодушевлённой плоти...

ISBN 978-5-44-900311-9

© Кульбицкая С.
© Издательские решения

Содержание

Красная верёвка	6
Последняя Любовь Галины Викторовны	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Красная верёвка

Рассказы

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2023

ISBN 978-5-4490-0311-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красная верёвка

Посылка из Одессы была перевязана красной веревкой. Длинной, шелковой, толстой. Где они только раздобыли такую? Фрукты мы съели, коробку выкинули, а хорошую, добротную веревку было жаль, и я спрятала ее в ящик под кроватью, где когда-то хранились мои детские, а потом и девичьи сокровища.

В 92-м году там лежала увесистая подшивка «Юридической газеты» за январь-февраль. Каждую среду после школы я ехала на Китай-город, где только и можно было приобрести это могучее издание с роскошной, на разворот, рубрикой «ЛДПР. Владимир Жириновский». Драгоценные номера я бережно складывала в секретный ящик, чтобы по несколько раз на дню, запершись в комнате, доставать их оттуда и перечитывать снова и снова. Что, в общем, быстро утрачивало смысл: я и так могла бы, разбуди меня хоть ночью, оттарабанить все интервью с В.В. наизусть. «Владимир Вольфович, у вас есть какой-нибудь женский идеал?» – «Я, наверное, идеалист, романтик. Мне очень нравится тип тургеневских женщин, Наташа Ростова. Это девушка моей мечты.»

Живьём я могла видеть В.В. лишь на оппозиционных митингах, которых, благо, в те дни устраивалось великое множество – обычно в Сокольниках, у Матросской Тишины, где томились гёкачеписты, или же на подступах к Манежной и Красной площадям. К майским праздникам, ближе к моему пятинадцатилетию, когда, впрочем, наваждение стало постепенно проходить, мой облик тем не менее был отточен до мельчайших деталей: длинная синяя юбка-гофре – именно такую, представлялось мне, и должны носить тургеневские девушки в их общепринятом понимании; легкая, но скромная блузка, ненавязчивый макияж, волосы аккуратно убраны в косу.

Первомайский митинг выдался на редкость людным: многие завалились сюда прямым с народных гуляний, да, скорее всего, и митинг-то приняли за очередной занятный аттракцион. В.В. заматерел, он уже не спускался в гущу почитателей на шатучий деревянный ящик, как в эпоху «Юридической газеты». Теперь у него была своя газета, «Сокол Жириновского»; первомайский В.В. возвышался на огромном грузовике, как на пьедестале, а вокруг с непроницаемыми (даже для его юмора) лицами стояла охрана.

«Как вы относитесь к религии?! Владимир Вольфович, как вы относитесь к религии?!» – истерично выкрикивала у меня над ухом тощая брюнетка в глухом черном платье. На миг я ощутила зависть: именно так могла бы выглядеть настоящая Ростова, именно такой вопрос, скромный и угодный богу, мог быть ей присущ. Но В. В. её проигнорировал, а, может, просто не расслышал в общем гомоне, и моя досада прошла.

Толпы я не боялась: каждое утро добираясь в школу в куда более жестокой толчее переполненного вагона, я за долгие годы успела привыкнуть – не только к духоте и давке, но и к тем знакомым каждой малолетке тихим, но настойчивым щупачам, которые безошибочно находят забитых, робких школьников в любом многолюдье. Нынешний день, впрочем, выдался особенно урожайным – в разгаре митинга я обнаружила на себе пальцы сразу трёх поклонников: один пристроился слева, другой справа, а третьего равнодушная толпа притиснула ко мне спереди, и он, эпилептически трясаясь, шерудил рукой, неудобно заведенной за спину. Умело перемещаясь в людской гуще, я уж думала, что отделалась от всей компании, но тот, что справа, неизменно оказывался ловчее, вновь и вновь принимаясь ощупывать меня и гладить.

Украдкой взглянув на него, я увидела, что это не старый маразматик, как я думала, а совсем ещё молодой, довольно-таки симпатичный кавказец, которого, правда, немного портят сильно приплюснутый книзу нос и синяя челюсть. Теперь ещё и подловатый шкурный интерес мешал мне должным образом прервать его посягательства: мне удалось пробраться почти к самой машине, и я мечтала – ведь это было так логично! – что вот сейчас Жириновский

обратит внимание, что брутальный, заросший черной щетиной инородец пристаёт к скромной девушке в длинной юбке и с косой (девушке его идеала), и защитит её – как знать, может, и спрятав под свое соколиное крыло.

Но Жириновский ничего не заметил. Зато кавказец вконец осмелел: по-хозяйски взял меня за руку, словно прося В.В. благословить нас, и нежно забормотал что-то на ухо. Я улавливала с трудом, всё мое внимание было направлено на монументальную фигуру В. В. Тот как раз начал раздавать автографы и в следующий миг почти скрылся в зарослях жадных рук с номерами «Сокола...», ещё секунду назад такими дешёвыми, но теперь на глазах превращающимися в раритет.

Мой горец не оплошал: ввинтившись в толпу, он вырвал из чьих-то липких рук подписанную вождём газету и галантно вручил её мне. Митинг закончился. Толпа рассасывалась, и охранники уже разгоняли остатки праздного люда, расчищая проезд для грузовика. Симпатичный джигит шел за мной по пятам. Печально и тихо он говорил, как я ему нравлюсь и что только ради меня он выстоял этот совершенно ему ненужный, а, может, и опасный митинг. Так же грустно и нежно он попросил у меня телефон. Мне было неловко и страшно, но привычный образ тургеневской девушки, из которого я всё никак не могла выкарабкаться, непрекаемым тоном диктовал его носителю женственную мягкость и, что ещё важнее, покорность.

Джигита звали «Джон-Асиор» – попросту Асир, или, если угодно, Асирджан. По-русски он говорил на удивление хорошо. Мы долго гуляли по городу, и Асир говорил о том, какая это редкость – красивая и скромная русская девушка. Обошли несколько дорогих магазинов, где мой кавалер, по-хозяйски тыча пальцем в товары, спрашивал, чего мне хочется. Мне ничего не хотелось. Тогда он пригласил меня в гости. Ненужный и теперь даже лишний, но уже намертво прилипший ко мне тургеневский имидж не позволил отказать ему и в этом. В стеснении и ужасе я стояла рядом с мужчиной в грязненьком лифте, поднимаясь в его квартиру. Асир доверительно рассказывал, как он богат. Что скоро у него будет свой магазин (чуть раньше он показал мне заброшенные руины какого-то старого особняка), а начальный капитал дал ему дедушка-миллионер из Палестины.

На кухне Асир долго и грубо (от ужаса я едва не лишилась рассудка) терся об меня сзади, сжимая в мощных волосатых руках мою грудь и целуя меня в шею. При этом он приговаривал, что бояться нечего, ничего дурного он мне не сделает, потому что я такая хорошая, скромная девушка, не то что другие, которые ходят в коротких юбках и говорят: «Асир, пойдем с тобой в бар-ресторан». Что он может обнимать девушку, целовать её, ласкать, но не привести Аллах обидеть её. Через несколько плотных, нескончаемых минут Асир действительно взял себя в руки, отпустил меня и пошел ставить чайник. «Я люблю сладкий чай и сладких девушек», – пояснил он.

Насовав мне в карман конфет, Асир проводил меня до метро и пообещал непременно позвонить, когда вернется из важной командировки. Обещание, кстати, он выполнил – и с тех пор звонил каждый вечер, по-восточному красноречиво выпрашивая любви и умоляя о встрече, пока, наконец, не выдохся. Но это было чуть позже.

А пока я не могла дожидаться субботы, когда можно будет сходить в храм на исповедь. (Идеал целомудренного В.В., несомненно, предполагал в девушке глубокую религиозность!) Едва дотерпев, я встала спозаранку и со всех ног помчалась в ближайшую церковь, где – мне повезло – как раз вёл службу мой любимый священник отец Виктор. – Батюшка... Меня... меня обнимал мужчина... – А-я-яй... Ну как же так? Нехорошо, нехорошо. Девушка должна быть осторожной – может случиться несчастье. – Отец Виктор обеспокоенно заглянул в моё зарёванное лицо. – Не случилось ещё? – Всхлипнув, я помотала головой, и отец Виктор, совершив все положенные ритуальные действия, отпустил мне грехи. И вот я опять чиста! Моему счастью не было предела. Он был действительно хорошим священником, этот отец Виктор,

хотя весь район знал, что он работает на КГБ и по воскресеньям громит в своих проповедях «жидов» вместе с «проклятым немецким шпионом Ульяновым-Бланк».

Происшествие с Асиром помогло мне понять, что этот митинг, пожалуй, станет для меня последним; даже заветную газету с автографом я оставила в доме кавказца за ненадобностью. Наверное, я и пошла-то на первомайский митинг скорее по старой памяти, как бы по инерции, уже совсем не чувствуя того, что чувствовала ещё зимой, когда как-то раз сбежала с урока физики, чтобы попасть на митинг ЛДПР в Сокольниках. Шел снег. Подходя от метро к парку, я ещё издали увидела разноцветное скопление народа и возвышающегося над ним В. В. Помню потрясшее меня видение: Жириновский снял шапку, отчего его голова сразу стала очень маленькой; облепившие её кудрявые пряди были мокры, а глаза казались совершенно синими. Мне так хотелось, чтобы эти синие глаза коснулись меня хоть на секунду; я верила, что, увидев меня, так похожую на Наташу Ростову, с черным ободком на голове и бледным ненакрашенным личиком (я была уверена, что В.В. не любит косметики!), он сразу поймет, что *я пришла*. Но он так ни разу и не взглянул на меня, лишь однажды мне показалось, что небольшие синие глаза скользнули по мне без всякого, впрочем, интереса.

– Владимир Вольфович, – раздался голос из толпы, – скажите, а вот если вы станете президентом... – Жириновский хрипло рассмеялся. – *Не если, а когда*, – закричал он, – *не если, а когда!*

Оркестр заиграл марш. Под заунывные, торжественные звуки мы двинулись к Матросской Тишине, где к нам присоединились коммунисты с красными флагами (на фоне падающего снега это выглядело романтично и захватывающе, словно в кино про революцию!), и мы еще долго орали под зарешеченными окнами: «Сво-бо-да! Рос-си-я!». Украдкой, с опасливым любопытством я поглядывала на эти окна, за которыми неясно маячили какие-то белые пятна; мне мнилось, что это Янаев и его соратники бледными лицами прильнули к решеткам и с надеждой и нетерпением смотрят на нас, ожидая, что мы вот-вот возьмем тюрьму штурмом и вернем им свободу.

В этот миг я от души радовалась тому обстоятельству – а ведь ещё полгода назад оно вызывало во мне мучительную досаду! – что, хоть, конечно, в незабвенные августовские дни все мы искренне желали победы демократии, на баррикадах я всё-таки не была. Впрочем, в этом не было никакой моей заслуги: просто как раз накануне путча мы с бабушкой приехали отдыхать в Дом Творчества Гостелерадио, от которого до Москвы не менее полутора часов езды.

На следующий день в Доме замолчали все радиоточки, отдыхающие уселись в холле смотреть «Лебединое Озеро», а я устроилась на скамейке возле столового корпуса и попыталась развернуть торговлю. В мирное время я подрабатывала корректором тихой газетки с громким именем «Зов» (орган печати Общества Защиты Животных); вот и теперь думала совместить приятное с полезным и подзаработать на свежем воздухе. Кто ж мог знать, что случится то, что случилось, и как раз то обстоятельство, которым наша редакция всегда так гордилась – а именно: из принципиальных соображений мы никогда не помещали в газете политических материалов! – в одночасье сведет её ценность к нулю?!

Зато вокруг соседней скамьи мигом собралась толпа: в багаже у нашего соседа по столу случайно (как знал!) обнаружился карманный радиоприёмник. Что ж они меня-то игнорируют?! Ведь и я со своей звериной газетой представляю собой пусть безобидное, а всё же развлечение – спасение от отпускной скуки! Кое-что всё-таки удалось продать: интеллигентная старушка Уткина, поспешая к месту трансляции новостей, мимоходом пожалела – то ли меня, то ли грустного лопухого щенка, под которым было крупно подписано, что деньги с продажи тиража пойдут на нужды собачьего приюта. Следом подошел молодой, но довольно противный блондин в очках и белой джинсе. Он долго и придиричиво приценивался к товару, отходил и снова возвращался – и, так ничего и не купив, пригласил меня в бар.

Уже смирившись с тем, что торговля не заладилась (хоть так и не поняв – почему), я без сожаления свернула лавочку, польщенная, что мужчина в белом костюме предпочел меня политической радиопередаче.

После бара, где блондин угостил меня соком и мороженым, мы ещё долго гуляли по территории Дома, затем обошли примыкающий к ней пионерский лагерь, место стольких обид и унижений, где и теперь ещё я могла ненароком встретить своих соседок по палате, приехавших сюда в третью смену; и, что ни говори, а, черт подери, приятно было теперь прогуливаться здесь со взрослым кавалером, уверенно пообещавшим: «Всем рога пообломаем». Впрочем, мы так никого и не встретили – был тихий час – и вернулись на взрослую территорию, где мой новый приятель со смехом рассказал, как звонил в Москву родителям: «Что у вас там творится, говорят, президента сняли?! (Тут в моей голове начало что-то нехотя проясняться). – «Да шут с ним, с президентом – ты-то как?!»

Почти без перехода он мягко, но решительно предложил зайти в его номер попить чайку. Мне только-только исполнилось четырнадцать, но я уже знала, что подразумевают мужчины под «чайком»... Дрожащим от ужаса голосом я возразила, что строгая бабушка, наверное, уже заждалась меня. – Так, может быть, вечером? – настаивал мужчина. – Посмотрим, – пролепетала я, с тоской оглядываясь на уходящую вдаль пустынную аллею. – Посмотрим – это вежливое нет? – с угрозой в голосе произнес мой кавалер, приподняв над очками белесые брови; тут выдержка покинула меня, и я, пробормотав извинение, со всех ног припустила к своему корпусу под начинавшим капать дождём, ругая себя и клянясь, что без конвоя бабушки не сделаю больше по этой страшной территории ни шагу.

Так я и поступила. Иногда, шествуя под руку с чопорной, надменной, ни о чем не подозревающей бабушкой в столовую или библиотеку, я вздрагивала, заведя своего мучителя, который каждый раз внезапно вырастал у нас на пути, маслянисто поблескивая стеклами очков и тонко улыбаясь. К его чести, он ни разу ни словом, ни жестом не выдал, что знаком со мной, даже когда ему случалось галантно распахнуть перед нами тугую дверь корпуса или холла. Я судорожно вцеплялась в бабушкин локоть, и мы чинно проходили мимо. Через два дня стало известно, что путчисты арестованы, а Пуго застрелился, и мы вернулись в Москву.

Несколько дней спустя я услышала, что, оказывается, во время путча в Доме Творчества Гостелерадио скрывался В.В.Жириновский; на экране тут же возникла территория Дома, и я не без внутренней дрожи узнала места, где и мне приходилось скрываться. Жириновский в белой рубашке и при галстук-«бабочке», придавшей ему изумительный шик, давал интервью, развалившись в небрежной позе на скамейке у столового корпуса – той самой, где меня постигла предпринимательская неудача. Вокруг толпились зеваки – всё те же, что неделю назад у радиоприёмника. Видеть в телевизоре лица бывших соседей по столу было забавно и жутко. Промелькнула старушка Уткина, с которой вроде бы мы вот только вчера пили чай; промелькнула и белая джинсовая спина моего кавалера. Вздвогнув, я переключила канал.

Вспоминая этот эпизод полгода спустя, когда Москву уже завалило снегом, а я, как на работу, ехала на Китай-город за очередным номером «Юридической газеты», я думала о том, что вся эта цепь событий не может быть простой случайностью и, наверное, мы с В.В. связаны прихотливой судьбой. Что-то помешало нам встретиться там, где было предусмотрено изначально, но, может быть, ещё не поздно исправить эту чудовищную ошибку. Именно с этой мыслью я и таскалась на элдэпээровские митинги, убивая в просоленной снежной каше тряпичные, линючие, единственные на всю семью сапоги и, толкаясь в гуще лениво шевелящейся толпы, вдыхала ядреный табачный дым и перегар, смешанный с хрустящим морозным воздухом. И пусть В.В. сколько угодно проповедует со своего амвона, что, мол, женщинам (а особенно молодым!) на митингах (а особенно на его митингах!) не место. В свои четырнадцать я могла с полным правом не относить его пожеланий на свой счет.

Минувшие с тех пор годы не оставили камня на камне от раннего романтически-пури-танского образа В. В. Да и кого они пощадили? Где они теперь, наши трогательные идеалы начала 90-х? Но те давние щемящие воспоминания нет-нет, да и царапнут душу острым краем.

Мне было девятнадцать, когда я готовилась с треском провалить свой журналистский дебют – репортаж с головокружительной шоу-акции «Звёзды против СПИДа» в ДК «Олимпийский», куда меня отправили с редакционным заданием. Нет, не уютный «Зов» – куда более серьёзная газета. Политикой там не гнушались, и люди там работали серьёзные.

Феерический концерт мчался к концу, так и не предложив ничего такого, из чего можно было бы выжать хотя бы несколько связных строчек. Исполнители исполняли. Каскадеры в клубах разноцветного дыма под вспышки фейерверков летали над сценой. Зрители плясали, орали, свистели, бесились. Ненаписанный материал стоял в плане завтрашнего номера, и срыв его грозил моему начальству крупным штрафом, а мне – всего-навсего крупным позором. Если выбирать между дезертирством и самоубийством, то первое, конечно, предпочтительнее. Но тут музыка смолкла, изумрудно-розовый дым рассеялся, и на сцене, где только что пели и плясали средней руки эстрадные звезды, появился В.В.

Это было так неожиданно, что зал постепенно стих. А Жириновский подошел ближе к микрофону и вот что он сказал:

– Если звезды – против СПИДа, то депутаты, власть, тем более должны быть против этой тяжелой болезни, которая в конце XX века захватывает города, страны, континенты. Я не врач, я депутат Государственной Думы, но все наши избиратели нам дороги, и мне бы хотелось, чтобы эта болезнь не мешала вам жить. Вы здесь сидите, и за эти 2—3 часа, я надеюсь, никто не заразится СПИДом: форма общения не позволит этого сделать...

(Хохот и свистки в зале).

– Как расценить вашу реакцию? – спросил Жириновский. – Рады, что не заразитесь? Или наоборот – хотите заразиться? (Смех). Я вовсе не ханжа и не хочу сказать: «Сидите дома, ни с кем не встречайтесь, не целуйтесь, не танцуйте, не пейте, не колитесь», – это трудно сделать, вам хочется всего этого. Просто хочу дать вам несколько советов. Не гонитесь за количеством. В любви, в личных отношениях оно вам ничего не даст. Бойтесь темноты. Бойтесь оставаться один на один. Лучшие в большом коллективе. (Смех, крики: «Групповуха!») Меньше будет опасностей, потому что все отрицательное происходит в глухом углу, в темноте. Хочу вас от имени органов власти попросить: немножко остерегайтесь. Любите друг друга, но больше любите руками, глазами – некоторые части тела сдерживайте. Они вам ещё понадобятся на протяжении всей оставшейся жизни.

С каждым, наверное, хоть раз бывало: в последний миг, когда ты уже ни на что не надеешься и смиренно ждёшь конца, вдруг с неожиданной стороны приходит помощь... Со страхом вслушиваясь в тихий скрип старенького диктофона, я всё отчётливее понимала, что спасена.

Так и вышло. На завтра крохотная заметочка в тридцать строк, написанная, в сущности, не столько мною, сколько В.В. (она почти целиком состояла из его монолога, как человек – из воды), пошла в номер. И хоть с тех пор я ни разу не встречала В.В. в реальности, лишь изредка довольствуясь искаженным телеизображением (да, искаженным – ибо в натуре В.В., могу подтвердить, гораздо авантажнее, чем на экране), я тем не менее верю, что некая мистическая связь между нами, несомненно, существует. «Тема Жириновского красной нитью прошла через мою жизнь», – так однажды сказала я одному своему другу. «Ах, так вот оно что, – ответил тот, – теперь я понял, почему у тебя под кроватью лежит красная верёвка».

Последняя Любовь Галины Викторовны

Мы знаем три типа красоты: 1) та, что с возрастом постепенно переходит в старческое благообразие; 2) меняет знак, перерождаясь в столь же эффектное и броское уродство, и 3) (самый завидный): красотой так и остаётся, только понемногу усыхает, обезвоживается, становясь всё резче – и так до последней резкости. Галина Викторовна – несомненно, красotka третьего типа. В свои семьдесят она чувствует (по крайней мере, старается чувствовать) себя на пике жизненных сил и возможностей – и действует в этом ключе.

Чтобы ощущать себя в форме, женщине нужны поклонники. За ними Галина Викторовна ездит в пансионаты и профилактории – причём старается выбирать такие, где попадаются деятели культуры или, на худой конец, науки. (Известные политики тоже приветствуются). К вопросу курортного флирта она подходит очень серьёзно. Стоит посмотреть, как она, выбрав освещение почестнее, пудрит нос, втирает румянец в гладкую кожу щек, кисточкой наносит на подвижные губы перламутровую или ярко-алую помаду – и ещё несколько секунд придирчиво оглядывает себя с разных сторон: не затесалась ли где пометка?.. Можно не сомневаться, всё идеально. Галина Викторовна и впрямь очень эффектная женщина, и в сезон у нее заводится не менее трёх серьёзных поклонников. Вот только подругам нет-нет да и зашекочет язык сомнительное словцо «консервы». Но это, видимо, просто зависть.

Выглядеть в таком возрасте эффектно – тоже талант, из тех, что преступно зарывать в землю. У многих женщин он так и остаётся нереализованным. Но Галина Викторовна сумела найти ему прекрасное применение, сразу по выходу на пенсию устроившись работать в косметическую компанию «Орион».

Тут она более чем на своём месте – и в полном смысле слова блистательна. Каждый её семинар – настоящее театрализованное представление. Взгляните, как она выходит в зал, шурша и переливаясь, полностью оправдывая своим видом почётное звание бриллиантового директора. Сверкает одежда – вся из серебристо-золотых струящихся тканей. Сияет ухоженная кожа лица, умощенная «молодильными» кремами, не чуждая и изыскам декоративной косметики с добавлением сияющих микрочастиц. Влажно блестит подвижный рот в перламутровой помаде. Играют блики на гладком, умело крашенном в платину недлинном каре. Молодые конкурентки, чьё профессиональное красноречие никого не может обмануть – любому дураку ясно, что своей дешёвой привлекательностью они обязаны юности, юности и ещё раз юности, – в подметки ей не годятся.

Даже самые легкомысленные из нас нет-нет да и задумаются о неминуемой старости и её перспективах. Стоит ли говорить, что вид эффектной, ухоженной пенсионерки, способной вдохновенно, но со знанием дела растолковать назначение даже самого крохотного тюбика из новой коллекции, действует впечатляюще на всех? Её пример воодушевляет, хочется ей подражать. Тем более, что она умело подогревает в каждом сознание широких возможностей: – Вы что думаете, эти глянцевики звёзды – от природы такие хорошенькие? А вы знаете, что слой грима у них на лице иногда доходит до... – Как-то раз она оговорила: – До двух сантиметров!!! – Дамы-то поняли, что это просто оговорка, и пропустили её мимо ушей, но вот несколько случайных мужчин, рассеянных по аудитории, уважительно выдохнули: – О-о-о!.. – как бы отдавая дань тем жертвам, которые женщине порой приходится приносить ради их благосклонности.

Большим успехом пользуются и забавные истории из жизни. Например, как одна клиентка устроила жуткий скандал по поводу шариковых румян: «Они же совсем не румянят!» – и как после долгих разборок выяснилось, что женщина принимала эти разноцветные шарики, так сказать, перорально... Галина Викторовна подаёт эту сцену так, что все лежат от хохота. Она очень артистичная и обаятельная натура (детство и юность её прошли в одном из малень-

ких южных городков) – и можно смело сказать, что именно эти свойства делают её бизнес успешным. Она способна убедить кого угодно в чём угодно.

Но больше всего впечатляет история, которую она рассказывает как бы в иллюстрацию к тому, как важно следить за собой и хорошо выглядеть. (С помощью косметики «Орион», профессионально вворачивает она – и бесстыдно лжёт. Вовсе никакая не косметика, а неукротимый кураж – ну и удачная наследственность, чего уж! – делают её тем, что она есть). Эта удивительная история любви случилась с Галиной Викторовной как раз накануне её семидесятилетия – и, даже зная её страсть к преувеличениям, на сей раз мы склонны ей верить.

Всё началось с того, что однажды, задумав развесить по стенам прихожей несколько симпатичных офортов, она открыла дверцу сантехнического шкафчика, который почему-то использовала как хранилище всякого мелкого инструментария. Внезапно из тёмных недр на неё пахнуло тёплой сыростью и запахом плесени – и она увидела, что полочки из прессованной стружки разбухли и угрожающе провисли, а о том, что стало с инструментами и гвоздями, хранящимися в картонной коробке из-под сапог, она боялась даже думать.

В панике Галина Викторовна бросилась в комнату, к платяному шкафу, где без лишней сентиментальности сорвала с плечиков несколько платьев, модных в предыдущем сезоне, – и, вернувшись к месту протечки, попыталась хоть немного спасти положение. Отчасти ей это удалось, но было ясно, что мера эта – временная. Больше всего она боялась, что неумолимо прибывающая вода проникнет к нижним соседям – надменной молодой паре, вот только на днях закончившей дорогой евроремонт.

Вызвала сантехника, но положение от этого не улучшилось, а только ещё больше запуталось. Старый мастер в стильной спецодежде открыл шкафчик, посветил фонариком, похмыкал, похвалил притихшую хозяйку за то, что она правильно всё сделала – разложила тряпки так, чтобы вода по ним стекала прямо в подставленный таз! – но помочь ничем не смог. Наверху не открывали. Галина Викторовна, привыкшая всё контролировать лично, сама поднялась туда, потрещав минут пять и, смирившись с фактами, оставила в двери записку: «Дорогой незнакомый друг...» и т. д.

Ближе к ночи, когда все РЭУ давным-давно закрылись, в прихожей раздался требовательный звонок. Галина Викторовна, несколько часов просидевшая как на иголках, бросилась открывать, – и в следующий миг на её пороге предстал нерадивый сосед. То оказался очень представительный пожилой армянин. Носатый, смуглый, массивный, он заведомо готовил на своем грознобровом лице хмурую гримасу, призванную сразить клязницу наповал. Но, увидев перед собой такую роскошную женщину – ибо Галя, верная себе даже в несчастьях, в ожидании визита накрашилась по высшему разряду и облачилась в дизайнерский пеньюар золотой парчи, – остоленел от восторга!..

Так они и стояли несколько секунд – оцепеневшие, достойные друг друга: Геннадий Вартанович – с восхищённой улыбкой на тяжёлом лице, с изумлённо приподнятыми бровями, чуть расставив руки, как бы готовясь принять хозяйку в объятия, – и Галина Викторовна, вся трепещущая, сверкающая, сладко благоухающая, в одной из своих излюбленных поз: изящный корпус чуть отклонен назад, левая рука вскинута в протестующем жесте – ах, пощадите, мне не выдержать такого накала страстей!.. Не скроем, интересный гость тоже произвёл на нее впечатление.

Дальше начинается период в жизни двух ГВ, который можно было бы назвать романтическим – если бы грозное положение протекающего шкафчика не превращало мелодраму в триллер, а чувство юмора его хозяйки – в комедию. Геннадий ухаживал красиво. Едва ли не каждый вечер он появлялся на пороге с роскошным букетом роз – и Галина Викторовна, ахая от слегка преувеличенного восторга, кидала их отлёживаться в мраморно-зелёную ванну. Иногда к цветам прилагались и конфеты, которые она из страха перед капризной поджелудочной не ела. Гораздо безопаснее для здоровья казались ей стихи, которых тоже было много –

Геннадий сочинял их сам в нереальных количествах. Особое пристрастие он питал к акростиху и как-то раз угостил Галину целой поэмой, где из-под чудовищного нагромождения выпренности выглядывало, хитренько подмигивая, её имя и отчество. В содержание она так и не смогла вникнуть, но хорошо запомнила слово «ипостась», что повторялось там никак не менее пяти раз.

Затем настало время выходов в свет. Бюджет преподавателя, пусть и высокого уровня, не позволял Геннадию водить даму в дорогие заведения, но уж посидеть часок-другой в летней кафешке никто не мог им запретить, – и престарелый джигит требовал у девушки-официантки «открыть бутылку при нём» с таким ухарским видом, что иллюзия была полной. Он сыпал тостами, анекдотами и (снова) стихами, заставляя Галину то хохотать, то задумываться, то аккуратно утирать краешком платочка опасную для макияжа слезинку. Как-то во время прогулки их застала гроза, и столик под зонтиком с рекламой «Балтики» превратился в уютный кабинет, окруженный плотной, белой, шуршащей стеной; они сидели молча, пили... нет, не пиво – сухое красное, глядя, как скачут по асфальту иголки, прокалывая пузырьки. А однажды – как раз открылась навигация – отправились кататься по Москве-реке на теплоходе. Погода была чудесная, лёгкий ветерок трепал Галино платиновое каре, и она звонко хохотала, изображая героиню «Титаника»; все прочие пассажиры открыто любовались эффектной дамой в летах – и Геннадий Вартанович милостиво позволял им это, а всё-таки обозначал свою территорию, прохаживаясь вокруг и с хозяйским видом щелкая фотокамерой.

То были чудные дни! Она даже побывала на его уроках под видом невнятной «комиссии из министерства» – и осталась в полном восторге. Педагог он был превосходный, ученики боялись его и обожали. Он вел урок играючи и играя, шая с замшелыми героями разных времён, перемежая скучные данные искрометными экспромтами. Как-то посреди урока он вдруг распахнул левую створку доски – и все прочли: «А я бы тоже убил старушку-процентщицу!» То была тема мини-сочинения. Спустя пятнадцать минут он попросил учеников перевернуть лист – и открыл другую половину: «А я бы не убил...!» Дети скрипели ручками сосредоточенно, с удовольствием.

В другой раз он устроил диспут «Спасет ли мир красота?», и было очень весело, и Галина Викторовна, забыв о своём возрасте и легенде, не выдержала и втянулась в азартный спор, и вместе с учениками хохотала от души над рискованными шуточками учителя. Но смешливое настроение вмиг слетело с нее, когда Геннадий Вартанович, чуткий, как все хищники, заметив, что две хорошенькие, модно одетые ученицы на задней парте, блондиночка и брюнеточка, смеются и болтают между собой вовсе не на заданную тему, как хряснет волосатым кулачком по столу!!! – воцарилась зловещая тишина, девчонкам пришлось отправиться хихикать в коридор, а Галина несколько страшных секунд дрожала, как бы и её не выгнали, – пока, наконец, не пришла в себя и не вспомнила, кто она и зачем здесь находится. Этот случай убедил её в том, что Геннадий, чёрт возьми, реальный мужик – из тех, кому вполне можно доверить не только свои потаённые мысли и желания, но и несколько оставшихся лет, возможно, самых сладких в её извилистой жизни.

Всё портила сушая мелочь. Пока дело касалось флирта и проникновенных разговоров, оба были на высоте. Но стоило ей завести речь о том, что в туалете у неё течет всё сильнее и неплохо бы вызвать сантехника, как Геннадий становился лукав и чуть ли не по-женски увёртлив. Он упирал на какой-то «факультатив», из-за которого вынужден возвращаться домой глубоко после закрытия РЭУ. Это была гнилая отмазка – на стишки и прочую лирику ему времени хватало. – Галочка, да поймите же вы, я не могу подвести учеников! На носу экзамены!!! И потом, Галочка, ведь у меня же всё сухо! – «Всё сухо» – был его главный аргумент. Уверяя, что она «по-женски преувеличивает», он предлагал «Галочке» подняться к нему и «пошупать всё собственными ручками», – на что та, зная, что мужчине нельзя отдаваться слишком быстро, ни разу не согласилась.

Её таз с каждым днём переполнялся всё быстрее, и она понимала, что скоро будет не в состоянии сдерживать натиск воды.

Может быть, он просто выдаст ей дубликаты ключей, а сам идёт себе на все четыре стороны? Но тут Геннадий, такой скользкий и вкрадчивый, когда ему это было нужно, становился жёсток и непреклонен. Да нет, ей-то он доверяет полностью, абсолютно, как самому себе («Как вы можете сомневаться, Галочка?!») – зато совсем не доверяет мускулистым парням из РЭУ, любому из которых не составит труда скрутить беззащитную маленькую женщину и сделать с ней – а заодно и с его квартирой – что душе угодно. А у него там полным-полно антиквариата. – Целый музЭй! Напрасно, дорогая, вы не хотите зайти ко мне в гости! Вы же такой чувствующий, тонкий человек! У меня там картины, мебель, часы бЭккер с боем! Реплика Левицкого «Екатерина Вторая в интерьере», багет семнадцатого века!!! Я бы вам всё показал! Получите незабываемые ощущения... – и бла-бла-бла, и вот уже снова Галя с (капельку наигранным) возмущением выдергивает свою дрожащую ручку из его огромной тёплой ладони с резко прочерченными линиями жизни и любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.